

ПОРОХ И ЗЕМЛЯ

И через долгие десятилетия после войны она заставляет и заставляет представителей послевоенных поколений делать новые открытия. Столько уже раз приходилось мне встречаться с ветеранами Великой Отечественной; столько книг прочтано о ней и фильмов просмотрено, а вот — снова влюблен. Знал два распространенных вида ранений: пулевое или осколочное. Окажется, не менее распространенным, хотя и не таким ужким, было и третье. После этих годов после войны Ашот Матевосович Оганян сидит в себе порох и землю, вечно влившиеся в кожу лица. Снаряд разорвался над домом, и титанической силой взрывной волны несгоревший порох и землю швырнуло в него...

Жизнь егоместила всю жизнь от края до края. Страшное известие застало Оганяна в армии: по окончании артиллерийского училища он проходил действительную службу в должности командира огневого взвода 125-го артиллерийского полка. С первых дней войны полк принял участие в боевых действиях. Командир огневого взвода еще не видел ни одного танка, а пришлось ему вступить в схватку — танками. Это было 25 июля 1941 года. Противопоставив гусеницами, вражеские машины шли прямо на нашу позицию, занятую взводом Оганяна. Видимо, тот момент решал — быть или не быть ему настоящим командиром. Решил в его пользу. По приказу Оганяна орудия открыли огонь. 12 танков поставили в том бою на «прикол» артиллеристы Оганяна. Был миг этой битвы, когда ребята истерлись, казалось, не успеет в очередной раз «ахнуть» орудие: танки вползали на их позицию быстрее, чем можно было повернутьшки и взять прицел. К орудью бросился командир, это подействовало. Четко, организованно, быстро действовали артиллеристы. Чуть впереди танка в этом бою Оганян остановил собственноручно. Так и врезалась в память картина: один из танков застыл, чуть ли не упираясь своим стволом в ствол орудия.

За этот бой Оганян был награжден орденом Красной Звезды. Указ о награждении вышел ровно через месяц после начала войны. Теперь же точно установлено: из сотни тысяч наших земляков, сынов Армении, сражавшихся на огромном фронте от Балтики до гор Кавказа, Оганян — первый, награжденный этим орденом. Значение Победы советского народа в Великой Отечественной войне все растет. И в непредставимо далекие времена людям будут имена первых. Привычных первый бой на земле Родины, первыми совершивших таран вражеского самолета, первыми награжденных теми или иными орденами. Будут помнить вечно, как помнят первого космонавта земли и первого Героя Советского Союза...

Вот он, этот орден. Сделан наоборот, но уже обтерся металлом, сошла эмаль. С этим орденом на груди Ашот Ога-

нян прошел свой огромный и славный боевой путь. Он не расставался с ним, если не считать трех случаев, когда сдавал его вместе с документами в госпиталиях. За годы войны к первому ордену прибавилось еще 15 наград.

— А знаете, не все мои ордена и медали отметили безупречное выполнение приказа, — рассказывает мне Ашот Матевосович, — очень много было эпизодов, когда решение приходилось принимать самому, на свой страх и риск. Помню бой под Воронежем в 1942 году. Действовал приказ: расход снарядов по 0,5 на одно орудие. То есть, из двух орудий мы могли произвести один выстрел. А тут ситуация сложилась такая: наши выбили фашистов из укреплений, они отходят к лесу, из которого потом было бы очень трудно их «выкурить». С другой стороны к ним спешила подмога. Дать им соединиться означало, что последующий успех будет нам стоить большой крови. Связи с командованием у нас не было. И я приказал — мы убрали маскировку, орудия ударили, выпустили по врагу 750 снарядов, сорвав его планы. Через некоторое время меня и командира полка вызвал командир дивизии. Я не знал, что меня ожидает, но кончилось все похвалой за проявленную инициативу. Знаете, до сих пор жалею, что при этом командир полка Извеков получил выговор за то, что сам не отдал «приказа нарушить приказ» о норме расхода боеприпасов.

Война по рассказам ее участников — это сплошное напряжение. Мобилизацией всех сил организма объясняют ветераны тот факт, что никто не страдал тогда обычными «мирными» болезнями. Казалось бы, напряжение должно когда-то сказаться, и не выдержат нервы, тогда «овые испытания» только закаляли людей.

— Это феномен войны, — размышляет Оганян, — под Воронежем фашисты сбрасывали с самолетов продырявленные пустые бочки из-под горючего. Они издавали такой вой — с ума сойти. На это и рассчитывали фашисты. А мы находили в себе силы не только, чтобы «укрошить» свои нервы, но и высеивать инициаторов пустой этой затеи. А какое напряжение не мы испытывали, когда в неостановимом нашем наступлении шли на Запад. Казалось, уже нет сил, уже все должны это понять, остановиться, передохнуть. Но приказ тот же — вперед. И мы шли. Тогда мы не понимали, что ежедневно каждый из нас совершает свой подвиг. Сражения — как работа. Три—четыре часа в сутки прослав где-нибудь в мокром окопчике, укрывшись холодной плащ-палаткой, вставали и шли в сражение, можно сказать, привычно. Это уже потом, после войны я понял, что увидел историю одного бесконечного Подвига. Его совершали, погибая рядом со мной, многие мои боевые друзья. Я понял, что подвиг совершил врач, оперировавший меня после одного ранения. Все осмотревшие меня специалисты пришли к за-

ключению, что необходимо удалить глаз. А он долгие часы простоял у операционного стола и спас мне зрение. Если даже говорить не о войнах, о гражданском населении... В декабре 42-го при переходе через мост в районе Славянка к нам навстречу бросилась женщина. Каким-то внутренним чутьем она поняла, что фашисты подготовили для нас засаду. Она предупредила, мы отошли, соединились с полком. Утром диктовали немцам уже свои условия. Да и просто лошадей вспоминаю: тоже совершили свой подвиг. Тащили наши орудия в первый год войны, до прихода мототяги, падали и, будто понимая, что надо, находили в себе последние силы встать... Таким мне запомнился Подвиг войны — все, даже дома и деревья олохчились против ненавистного врага.

Для нас с вами географические названия в стране — это знакомые и незнакомые мирные города, живущие своей будничной жизнью. А для ветеранов, только назови места прошедших боев, и всплывают в памяти разрывы снарядов, свинцовая лавина, товарищи, которых уже нет, руины. Есть в Днепропетровской области село Николаевка. Там прошел один из самых жарких боев артиллериста Оганяна. 200 автомашин пехоты были брошены противником на нашу оборону, десятки танков. Выстояли. Но в этом бою погибло больше половины его артиллерийского дивизиона. Погибшие, они шли с ним рядом, памятью о себе удесятерив силы: через Днепр, под знаменитыми Аулами, через Прибалтику, Болгарию, Австрию, Венгрию, Чехословакию, Румынию, Югославию — в логово фашистского зверя. А потом через Монголию, Китай, Дальний Восток. Вместе с ними ставили они победную точку во второй мировой войне в сражениях с японской миллионной квантунской армией.

Трое детей у Ашота Матевосовича и Марии Маркаровны. Все родились в разных городах — след бесплодной кочевой жизни военного. Уйдя в отставку и обосновавшись в Ереване, ветеран не сменил профессию — работает на военной кафедре ЕрПИ им. К. Маркса. Сам о себе говорит: «Не знаю, что такое лекарство, болезни, усталость и скука. Для меня это слова одного содержания. Человек многое может, если он настроен жить долго, с максимальной пользой для окружающих, для Родины. Я свое не по годам отменное здоровье объясняю этим настроением».

Слышит только Ашот Матевосович плохо, но это профессиональное. Осталось с тех пор, когда гремела над землей канонада и его пушек. А еще с того времени — навечно влившиеся в поры кожи порох и земля, брошенные титанической силой снаряда, взорвавшегося десятилетия назад. Порох и земля... Как сама основа и сама суть оттремевшей страшной войны.

А. ФРИМЕРМАН,
наш спец. корр.